

А.Г. ЛЕВИНСОН

Россия как периферия (Актуальные тезисы)

Готовность россиян признать свою страну периферией и провинцией мира сопоставима только с их решимостью утверждать, что мир, хочет он или не хочет, будет вращаться вокруг нас. Провинциализм внутри России обладает меньшей авантюристичностью. Все, кто не живут в столице, не просто мирятся с этим фактом, но – за редкими исключениями – не преминут подчеркнуть свою провинциальность, а реванш за это берут не возвышением своего места, но унижением Центра, указанием на то, что положения своего он не достоин. Выражения "Москва – не Россия", "все деньги крутятся в Москве", "Москва все скупила" суть разные способы дискредитировать Центр и тем "приправить" свое провинциальное мироощущение.

Для ощущения себя провинцией у таковой есть если не ежечасный (радио), то ежедневный, точнее – ежевечерний (телевидение) повод. Центр держит провинцию "на связи" прочнейшими узами. Для начальства это "вертикаль" и обеспечивающие ее коммуникативные средства, прежде всего телефон, еще "первое" – "вертушка", телефон ВЧ. Для населения – это электронные средства массовой информации и поставляемые по ним из Центра потоки массовой культуры. (Собственное вещание в сравнении с этим потоком ничтожно.)

У жителя Центра при этих словах, наверное, первой ассоциацией будет то или иное подобие программы "Время", центральных новостей. Их директивная роль в регуляции отношений Центр–периферия действительно велика. Однако она ограничивается, как это ни парадоксально, именно их установкой на нормативность и директивность. В этом смысле новостные передачи сродни прямым телефонам-вертушкам. Сигнал по ним принимают лишь тот, кто сам себя считает подчиненным Центру, и потому воспринимает сигнал оттуда как адресованный именно ему.

Здесь интереснее отметить особую роль рекламы, рекламных вставок в любые программы центральных каналов ТВ и радио. В силу неких технических и коммерческих причин часть рекламных объявлений, предназначенных по смыслу только москвичам, остается в программах, передаваемых на всю страну. Врезающиеся в фильм "для всех" сообщения с московскими адресами бутиков с их скидками на золото и бриллианты не дают забыть дистанцию тем, кто смотрят этот фильм в провинции. Но реклама же, только местная, производит и противоположный эффект: она эффективно "одомашнивает" распространяемый Центром медиапродукт за счет рекламных вставок со своими, местными адресами и реалиями. Где-то в них отражается реальность ранних этапов "новой жизни", тогда это обычно бегущая строка (продается сахар-песок в мешках, потеряны документы на автомобиль "Волга" и т.п.). Все чаще это реклама открывающихся фирменных магазинов. В обоих случаях, однако, фигуриру-

Левинсон Алексей Георгиевич – кандидат искусствоведения, руководитель отдела социокультурных исследований Аналитического Центра Юрия Левады.

ет местная топонимия. Она-то и производит отмеченный эффект одомашнивания, привязки центрального, а потому "всеобщего" и "ничейного" медиапродукта.

Это хроническое и привычное сознание второсортности своей жизни трудно не признать существенным социальным обстоятельством, оно воздействует в примерно равной степени на всех, дифференцируя места, уровни или группы мерой удаления от Центра. Такие отношения воспроизведены центрами нижележащих уровней. Малым городам достается роль дважды и трижды периферии.

Явление провинциальности, создавая некую разность потенциалов между Центром и периферией, мотивирует индивидуальную социальную пространственную мобильность центростремительного направления и распространение столичных образцов в центробежных направлениях. Низовой демократии не дает развиваться низовая власть. Гражданским институтам – институты традиционного общества: родственно-соседская община, объединения по партикуляристическим основаниям.

Уникальность исчезает под униформирующим влиянием Центра (школа, СМИ). Различия – темпоральные, а не пространственно-локальные; специфика – вся из прошлого или природы. Культура преимущественно униформна, массова, если и окрашена, то контактами с иноэтническими культурными доменами.

Малый город

Будем считать, что малый город – это поселение, где компактно проживают несколько десятков тысяч человек (то есть более десяти и менее ста тысяч человек)¹. Это самый многочисленный класс городов на Земле вообще и в нашей стране в частности. Малый город может быть единственной городской формой в пределах данного сообщества, может быть второй или третьей наряду с крупными (сотни тысяч населения) и крупнейшими (миллионными) городами. Но две последние без него не могут существовать. Малый город может быть предпоследним на шкале населенных мест, если она содержит и сельские поселения, но в ряде ситуаций он оказывается нижней и в этом смысле опорной единицей.

Процесс урбанизации начался в мире с формирования городов именно такого размера, в социальных формах малых городов до недавнего времени воспитывалась подавляющая часть мирового городского населения. Для значительной части мировой истории урбанность присутствовала именно в таких формах, и первоначально именно с его социальными реалиями соотносились институты городской жизни, в том числе агора и вече, а также гражданство, права, свободы и пр. Городское общество малого города по своей природе является гражданским обществом, социальным образованием второго порядка – общиной общин.

Российский законодатель, как представляется, намеревался учесть эти социальные обстоятельства, и по нашей Конституции малые города – не объекты управления, а субъекты самоуправления. Власть, которая существует там, согласно закону – не государственная, а муниципальная.

Все эти соображения и обстоятельства, уместные в лекции по урбанографии, применительно к российской действительности представляют интерес прежде всего своей иррелевантностью. Суть дела в том, что держателем общенациональной нормы стал бюрократический класс столицы. Уникальные по сути столичные условия в его дискурсе взяты за образец и начало отсчета. За счет этого в наших условиях малый город превратился в уменьшенную, упрощенную и обедненную копию больших городов. В этом состоит механизм провинциализации.

¹ Известно, что есть поселения с 5 тыс. жителей, имеющие статус города, и поселения с 30 тыс., не имеющие такого статуса. Известно также, что в разных системах верхнюю границу численности для малого города определяют и в 50, и в 70 тыс. человек.

Начну с того, к чему пришли: с законодательства и реальной практики. Самоуправление является фикцией, ибо его органы не обладают самостоятельными источниками дохода. Налоги, которые им разрешено собирать и оставлять себе, как правило, ничтожны по объему и не способны покрыть даже текущие расходы. В итоге муниципалитеты живут на средства, выделяемые им из бюджетов более высоких уровней. А значит, находятся во власти находящихся над ними государственных инстанций и сами для своих граждан представляют государственную инстанцию.

Центро-периферические отношения при желании можно усмотреть в любом социальном объекте. Но такая социальная система, как Россия, с ее выраженными признаками территориальной империи, предполагает употребление именно этих метафор – Центр–периферия – и порой заставляет подозревать, что наша склонность к их использованию в разных областях жизни порождена и задана прежде всего ею самой.

Это – попытка социальной геометрии. Модель предполагает круг и центр. Но отношения по кругу – друг к другу – несущественны, существенны только отношения по шкале (радиусу) от периферии к центру. Двумерная модель превращается в одномерную. Это – опрощение поддержано социальной практикой.

Чем бы он ни был вызван, в России оказался реализованным вариант урбанизации, при котором существует один (главный) Центр, по отношению к которому все остальное – периферия. Очень многое в повадках власти, организации денежных, транспортных, людских, информационных потоков следует именно такому образцу.

Этот образец одновременно отрицает и порождает воспроизводство центрo-периферических отношений на других, нижележащих, уровнях. При всей несамостоятельности и подчиненности Центру главы субъектов Федерации значат для жителей вверенных им территорий ничуть не меньше, чем для них – глава всей страны. То же верно для фигур, возглавляющих центры самого нижнего таксономического масштаба. У этих центров нет уже никакой городской периферии, их периферия – либо село, либо необжитые территории.

Известный в урбанографии сельско-городской континуум можно трактовать так: село – это общность с полной социальной обозримостью (все всех знают лично). Социальная структура если и включает носителей разных статусов и ролей, то не содержит внутри себя изолированных групп. Большой город будет в этой схеме состоять сплошь из изолированных групп, внутри которых для индивидов только и возможны личные отношения. Впрочем, те же индивиды могут находиться лишь во вторичных отношениях.

Попробую дать определение малого города. В этой схематике он будет носителем, как это известно из обыденного опыта, черт и городских, и сельских. Его социальная структура включает, как и в большом городе, самостоятельные группы, но количество этих групп обозримо для представителей каждой из них. Иначе говоря, жители малого города могут быть, а могут и не быть лично знакомы, но каждый понимает про каждого, "из каких он".

Социальная пирамида центрo-периферических отношений, где каждая точка, кроме одной, "ниже" центра, но "выше" каких-то других, сущих или воображаемых, может быть рассмотрена еще и как коммуникационная модель, и к ней тогда применимы метафоры не социального пространства, но социального времени. Социальное время – это скорость, а точнее медленность, с которой социальный сигнал, образец распространяется из центра к (по) периферии. То, что можно при этом считать "задержками" сигнала, временем его освоения на каждом данном этаже пирамиды по-другому, надо называть жизнью. Жизнью каждого данного социального места.

Только что изложенная картина предполагает, что жизнь каждого данного социального места не имеет никакого иного содержания, чем то, которое было "спущено" ранее; это прошлое того, что только что поступило; это настоящее и того, что наверное поступит; это, значит, будущее. Бюрократическая жизнь (в той мере, в какой это жизнь) именно так и организована.

Между тем малые города, вообще периферия – субъекты собственного существования, даже если этого не видно "сверху", либо, что нередко, это отрицается там, "внизу". Такое существование здесь отмечено лишь с точки зрения устройства власти. Власть в малом городе в известном смысле автономна, ибо опирается на ресурс, на который некому посягать "снизу" и который не интересен "верху" (тот, что оказался интересен, – непременно уже отобран). Ресурсом может быть что угодно: от ископаемых до транзита краденых автомобилей. Его ровно столько, чтобы хватило местной элите, нераздельно объединяющей местный бизнес, местную власть, местный криминал.

Впрочем, в малом городе только в порядке исключения может быть лишь один такой узел власти–бизнеса–криминала. Родовой особенностью данной социальной структуры является то, что подобных узлов по меньшей мере два. Такая ситуация образует интригу и динамизм существования подобного социального тела.

Пора сказать, что в определенных социальных обстоятельствах, на определенной фазе существования имперских агрегатов течение социальных токов от периферии к Центру, существовавшее всегда, усиливается. Провинциализация Центра начинает быть содержанием его жизни. Примеров литературного и социолингвистического характера более чем достаточно. Укажу на инвазию социальных практик, некогда допустимых только на периферии в самый центр Центра описываемого нами пространства. Укажу и на то, что именно в такой перспективе перестает удивлять проявившееся недавно раздвоение властного Центра.